

Въ плѣну у нѣмцевъ.

Съ 16-ю фотографическими снимками.

Цѣна 10 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
1915 г.

Предлагаемые вниманію читателя факты взяты изъ трудовъ Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи, образованной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отъ 9 апрѣля 1915 года въ цѣляхъ разслѣдованія нарушеній законовъ и обычаевъ войны австро-венгерскими и германскими войсками.

Стражникъ посада Сударги, Владиславовскаго уѣзда, Сувалкской губ., АББАКУМОВЪ.

Фельдфебель . . . . . полка Алексѣй Максимовъ КОРШУНОВЪ.

Фельдфебель . . . . . полка Алексѣй Максимовъ
КОРШУНСВЪ.

Убійство стражника Аббакумова.

26-го іюля 1914 года въ посадъ Сударги, Владиславовскаго уѣзда, Сувалкской губерніи, вступилъ германскій отрядъ, численностью до 150 человѣкъ. Въ это время мѣстный стражникъ Аббакумовъ, не знавшій о появленіи германцевъ, вышелъ изъ своей квартиры на улицу въ формѣ, съ винтовкою. Замѣченный германцами, онъ тотчасъ же былъ раненъ кѣмъ-то изъ нихъ выстрѣломъ въ грудь навылетъ, но успѣлъ вбѣжать въ свой домъ. Однако, слѣдомъ за нимъ, туда же ворвались около 25 германскихъ солдатъ, которые кричали и о чемъ-то спрашивали у непонимающаго по-нѣмецки Аббакумова; затѣмъ, продолжая угрожающе кричать и не обращая вниманія на мольбы о пощадѣ падавшей передъ ними на колѣни жены Аббакумова—Елеоноры Аббакумовой, потащили его изъ дома на дворъ, гдѣ одинъ изъ германцевъ кинжаломъ или штыкомъ отрѣзалъ у него носъ, оба уха и, наконецъ, вспоролъ ему животъ и выпустилъ кишки.

Вскорѣ послѣ этого Аббакумовъ въ страшныхъ мученіяхъ скончался.

Описанныя обстоятельства удостовѣрены показаніемъ упомянутой Елеоноры Аббакумовой, допрошенной, въ качествѣ свидѣтельницы, Судебнымъ Слѣдователемъ 3-го участка Трокскаго уѣзда, Виленскаго Окружнаго Суда.

Фельдфебель Коршуновъ.

Фельдфебель.... Гренадерскаго полка Алексѣй Максимовъ Коршуновъ, 27 лѣтъ, 27-го сентября 1914 года

въ бою подъ Новой Александріей, былъ взятъ въ плѣнъ германцами съ четырьмя оставшимися въ живыхъ нижними чинами ввѣренной ему сборной команды.

На третій день плѣна Коршуновъ былъ доставленъ въ г. Радомъ, въ германскій штабъ, гдѣ пожилой германскій офицеръ, какъ полагаетъ Коршуновъ—генералъ, сталъ разспрашивать его черезъ солдата-переводчика о численности и расположеніи русскихъ войскъ. Въ виду отказа Коршунова отвѣчать на предлагаемые вопросы, генералъ сталъ угрожать ему казнью и, выйдя въ другую комнату, принесъ оттуда и положилъ на столъ перочинный ножъ. Когда же, не смотря на угрозы генерала, что Коршунова будутъ рѣзать на куски, послѣдній не далъ требуемыхъ отвѣтовъ, солдатъ-переводчикъ, въ присутствіи генерала, поднялъ у Коршунова рубашку и, оттянувъ у него рукой кожу на лѣвомъ боку, отрѣзалъ часть таковой принесеннымъ генераломъ ножемъ, а затѣмъ заявилъ, что будетъ рѣзать ему пальцы. Тогда Коршуновъ, съ цѣлью избавленія отъ дальнѣйшихъ мученій, сталъ давать на всѣ предлагаемые ему вопросы невѣрные отвѣты, коими генералъ и удовлетворился. На слѣдующій день Коршуновъ, воспользовавшись случаемъ, бѣжалъ къ рускимъ войскамъ.

Изложенное Коршуновъ удостовѣрилъ при допросѣ его, по порученію Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, подъ присягой Судебному Слѣдователю Калужскаго Окружнаго Суда. Произведенное тогда же судебно-медицинское освидѣтельствованіе Коршунова подтвердило о причиненіи ему описанныхъ поврежденій.

Заживо сожженный.

9-го октября 1914 года штабсъ-капитанъ Думбадзе, поручикъ Сперанскій и вольноопредѣляющіеся Ротвандъ и Израилевичъ обнаружили въ дер. Хилички, Варшавской

Снимокъ съ трупа заживо-сожженнаго германскими войсками рядового одного изъ стрѣлковыхъ полковъ.

губ., въ мѣстѣ бывшаго расположенія германскихъ войскъ. обуглившійся трупъ русскаго солдата со связанными ногами. Подъ трупомъ сохранились остатки костра, большое количество гильзъ отъ разорвавшихся патроновъ, а въ тѣлѣ, подъ истлѣвшими частями одежды, были обнаружены нѣсколько застрявшихъ пуль.

По клоку мундира и шинели, уцѣлѣвшихъ на животѣ, по лежавшимъ у тѣла металлическимъ частямъ винтовки № 123859 и истлѣвшимъ предметамъ снаряженія можно было опредѣлить, что трупъ принадлежалъ русскому нижнему чину—стрѣлку, заживо сожженному германцами.

Вышеоименованными лицами былъ приглашенъ для осмотра трупа подпоручикъ Столяренко, который и донесъ о видѣнномъ по начальству, а вольноопредѣляющимся Ротвандомъ сдѣланъ съ трупа фотографическій снимокъ.

Злоупотребленіе бѣлымъ флагомъ.

24 ноября 1914 года, на опушкѣ лѣса, между деревнями Завады и Иржонцы, Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губерніи, опустился подстрѣленный нашими войсками германскій аэропланъ. Замѣтивъ стоявшую неподалеку группу мѣстныхъ жителей, офицеръ-летчикъ и унтеръ-офицеръ-наблюдатель открыли по ней стрѣльбу изъ ружей. На выстрѣлы собрались изъ ближайшихъ деревень казаки, окружили и обстрѣляли летчиковъ. Офицеръ былъ убитъ, а раненый унтеръ-офицеръ легъ на землю и, вынувъ бѣлый платокъ, выразилъ желаніе сдаться. Но едва одинъ изъ казаковъ, шедшій безъ всякихъ предосторожностей приблизился къ германцу, послѣдній выстрѣломъ изъ револьвера смертельно ранилъ его.

Все описанное происходило на глазахъ мѣстнаго жителя Данковскаго и удостовѣрено имъ при допросѣ его,

по порученію Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи, Судебнымъ Слѣдователемъ Варшавскаго Окружнаго Суда по важнѣйшимъ дѣламъ.

Унтеръ-офицеръ Панасюкъ.

Вечеромъ 15-го марта сего года отправившійся на развѣдку старшій унтеръ-офицеръ развѣдывательнаго отряда штаба . . . . . арміи Порфирій Панасюкъ, 26 лѣтъ, былъ захваченъ нѣмецкимъ разъѣздомъ 7-го кавалерійскаго полка въ плѣнъ и доставленъ въ мѣстечко Розэохи. Здѣсь офицеры, числомъ около 10, стали разспрашивать Панасюка о расположеніи нашихъ сибирскихъ и армейскихъ корпусовъ, обѣщая дать за свѣдѣнія хорошее вознагражденіе. Панасюкъ отказался что либо сообщить. Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, сказавъ Панасюку по-русски „брось шутить, мы тебя видѣли въ нѣсколькихъ мѣстахъ на нашемъ фронтѣ", отдалъ какое-то приказаніе по-нѣмецки. Тотчасъ же другой офицеръ принесъ небольшія ножницы, коими офицеръ генеральнаго штаба отрѣзалъ у Панасюка мочку праваго уха, сказавъ при этомъ: „ну, что? теперь скажешь что-нибудь?" Когда же и послѣ этого Панасюкъ не сообщилъ требуемыхъ свѣдѣній, упомянутый офицеръ генеральнаго штаба отрѣзалъ ножницами сперва одинъ, а затѣмъ и еще 2 куска того же праваго уха, выше мочки, а потомъ схватилъ Панасюка за носъ съ такою силою, что искривилъ его, и, въ довершеніе всего, ударилъ Панасюка по лицу.

Въ тотъ же вечеръ Панасюку удалось бѣжать изъ плѣна и чрезъ нѣсколько дней достигнуть нашихъ войскъ.

Изложенное Панасюкъ подтвердилъ подъ присягой, при допросѣ его 9-го мая Членомъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи.

Старшій унтеръ-офицеръ Порфирій Герасимовъ ПАНАСЮКЪ.

Младшій унтеръ-офицеръ пѣхотнаго полка
Алексѣй Даниловъ МАКУХА.

Телефонистъ Макуха.

Телефонистъ рядовой пѣхотнаго полка Алексѣй Макуха, 25 лѣтъ, 20 марта 1915 года, вблизи г. З . . . , во время исправленія имъ телефона былъ захваченъ въ плѣнъ двумя австрійскими офицерами. Схвативъ его за горло и угрожая револьверомъ, офицеры потребовали отъ Макухи сообщенія свѣдѣній о численности, составѣ и расположеніи русскихъ войскъ.

Когда же Макуха отказался отвѣчать, офицеры повалили его на землю ничкомъ и вывернули руки за спину. Затѣмъ одинъ изъ нихъ сѣлъ на него, а другой, повернувъ ему голову назадъ, при помощи кинжала-штыка раскрылъ ротъ и, вытянувъ рукой языкъ, дважды рѣзнулъ его этимъ кинжаломъ. Изо рта и носа Макухи хлынула кровь. Послѣ этого тѣ-же офицеры повели Макуху къ своимъ окопамъ. Дорогой, воспользовавшись тѣмъ, что офицеры начали закуривать, Макуха сбилъ ихъ съ ногъ и бросился бѣжать въ сторону расположенія русскихъ войскъ и, не смотря на открытый по немъ огонь, благополучно достигъ своего полка.

Изложенное Макуха подтвердилъ, подъ присягой, при допросѣ его Судебнымъ Слѣдователемъ Екатеринославскаго Окружнаго Суда, по важнѣйшимъ дѣламъ.

Судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ Макухи было установлено, что глубокія рѣзаныя раны языка перекручиваніе шеи и сдавливаніе гортани почти совсѣмъ лишили его способности говорить и глотать пищу. Въ настоящее время Макуха можетъ говорить только шопотомъ.

Изнасилованіе сестры милосердія.

Сестра милосердія, семнадцатилѣтняя дѣвушка, изъ 6-го класса гимназіи, была захвачена германскими и

австрійскими войсками около 20 апрѣля 1915 года на станціи Радзивилишки, когда ѣхала съ воинскимъ поѣздомъ въ отпускъ.

Не смотря на увѣренія Х., что она—сестра милосердія, и на то, что Х. была одѣта въ форму сестры милосердія и имѣла на рукѣ повязку Краснаго Креста, германскіе и австрійскіе офицеры арестовали Х. и отправили ее въ имѣніе Вубье, въ 20 верстахъ отъ станціи Радзивилишки, гдѣ заперли въ пустомъ сараѣ, оставивъ ее въ продолженіи 3 дней безъ пищи.

На четвертый день въ сарай къ Х. пришли нѣсколько человѣкъ офицеровъ и потребовали у нея указаній о расположеніи русскихъ войскъ, послѣ чего стали бить ее шашками и колоть ея тѣло иголками. Въ этотъ же день Х. была переведена на третью линію германскихъ окоповъ и помѣщена въ землянкѣ германскихъ офицеровъ, гдѣ, въ продолженіе полутора недѣль, нѣсколько германскихъ офицеровъ совершали многократно насильственныя половыя совокупленія съ Х., причемъ на ночь оставляли ее въ землянкѣ безъ одежды, подъ присмотромъ особаго часового.

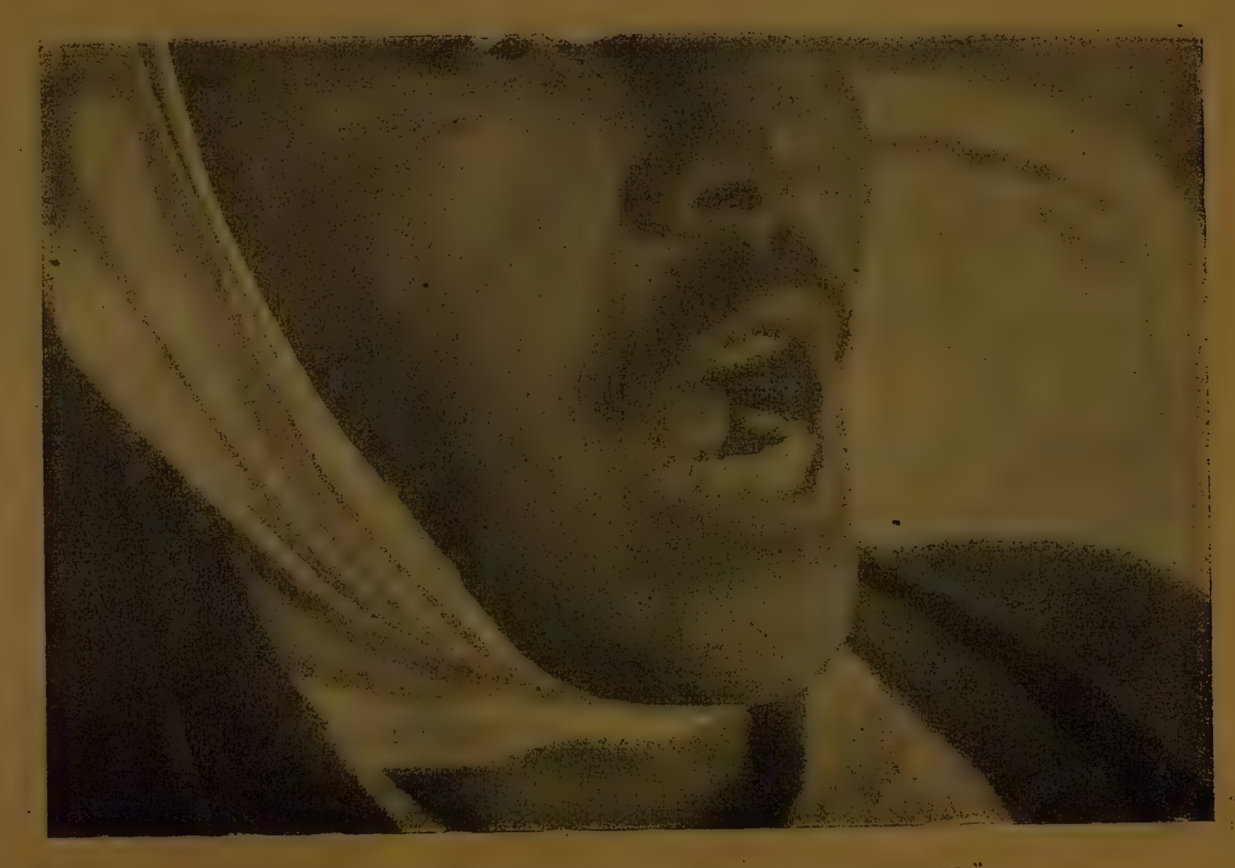
Х. удалось бѣжать изъ окоповъ и, съ помощью литовскихъ крестьянъ, почти въ безчувственномъ состояніи, достигнуть расположенія русскихъ войскъ, гдѣ ей была подана первая медицинская помощь, такъ какъ оказалось, что она заболѣла воспаленіемъ брюшины и клѣтчатки, окружающей матку. При осмотрѣ Х., было установлено, что у нея на тѣлѣ имѣются кровоподтеки въ области плеча, бедра и голени.

Ефрейторъ Водяной.

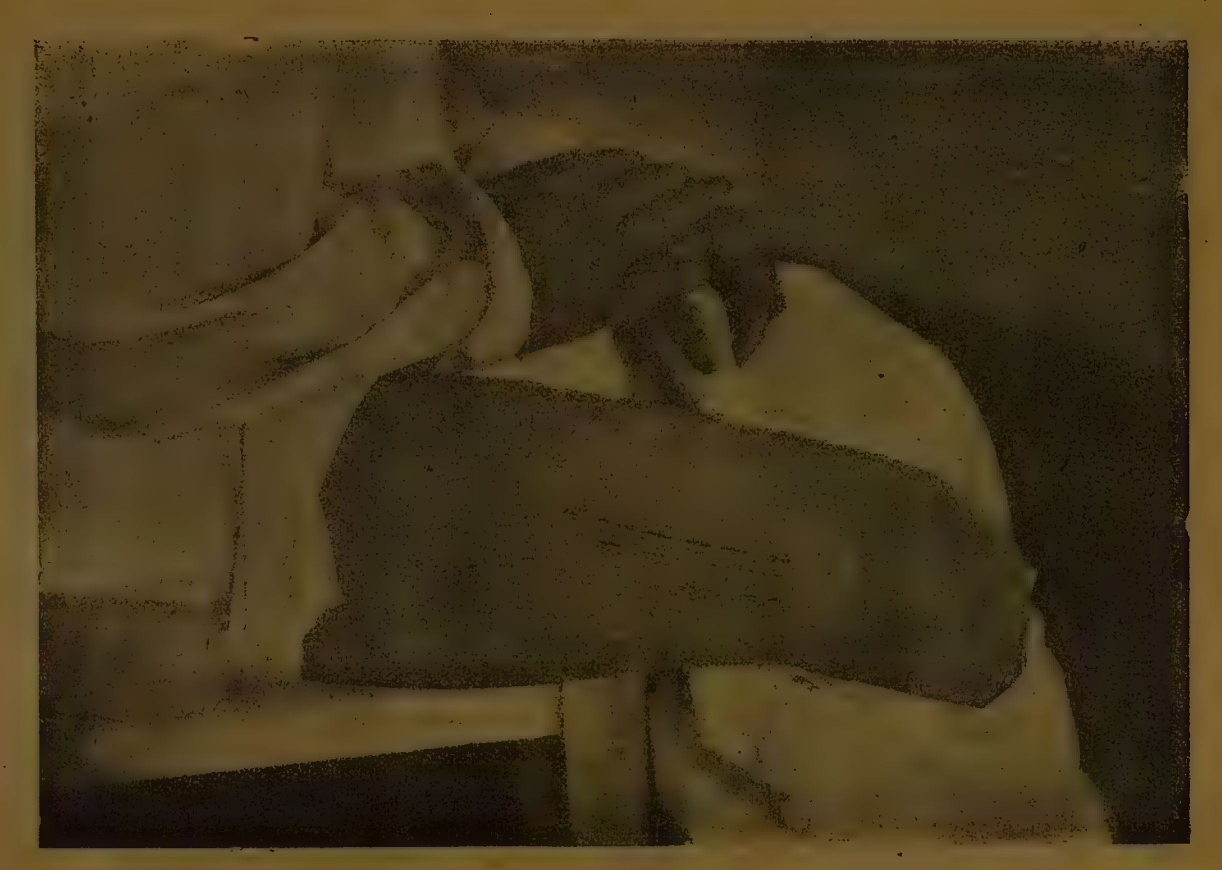
Ефрейторъ пѣхотнаго полка Василій Водяной, 24 лѣтъ, былъ захваченъ въ плѣнъ германскими войсками 27-го апрѣля с. г. вблизи г. Ш . . ., во время производившейся имъ развѣдки

Ефрейторъ пѣхотнаго полка Василій Терентьевъ ВОДЯНОЙ.

Ефрейторъ пѣхотнаго полка Василій Терентьевъ ВОДЯНОЙ.

Младшій урядникъ Казачьяго полка Иванъ Егоровъ ПИЧУЕВЪ.

Младшій урядникъ Казачьяго полка Иванъ Егоровъ ПИЧУЕВЪ.

Подъ угрозой выколоть глаза и отрѣзать уши, германскій унтеръ-офицеръ въ лѣсу, въ присутствіи двухъ нижнихъ чиновъ, потребовалъ отъ Водяного сообщенія свѣдѣній о расположеніи русскаго штаба и численности русской пѣхоты.

Въ виду послѣдовавшаго со стороны Водяного отказа дать эти свѣдѣнія, унтеръ-офицеръ, вытащивъ съ бранью кинжалъ, отрѣзалъ Водяному сперва мочку лѣваго уха и верхній край праваго, а затѣмъ, сказавъ Водяному: „мы тебя научимъ говорить“, сжалъ руками его горло, послѣ чего Водяной лишился сознанія.

Очнувшись отъ обморока, продолжавшагося нѣсколько часовъ, Водяной почувствовалъ, что у него отрѣзанъ языкъ.

Не смотря на боль отъ полученныхъ раненій, истекая кровью, Водяной поползъ наудачу изъ лѣса и вскорѣ наткнулся на русскій разъѣздъ, который доставилъ его въ одинъ изъ штабовъ русской арміи.

Изложенное Водяной подтвердилъ, подъ присягой, при допросѣ его Членомъ Чрезвычайной Слѣдственной коммисіи.

Урядникъ Пичуевъ.

Младшій урядникъ —скаго казачьяго полка Иванъ Пичуевъ, 33 лѣтъ, былъ захваченъ въ плѣнъ 2-го мая сего года около мѣстечка О. германскими войсками.

Въ виду отказа Пичуева дать свѣдѣнія о расположеніи и численности русскихъ войскъ, Пичуева подвѣшивали сперва за руки, а затѣмъ за ноги внизъ головой. Но такъ какъ и послѣ этого Пичуевъ не сообщилъ требуемыхъ свѣдѣній, германскій офицеръ и одинъ изъ нижнихъ чиновъ подрѣзали Пичуеву правое ухо, отрѣзали верхнюю часть лѣваго, на правомъ бедрѣ вырѣзали 4 продольныя, параллельныя борозды, въ видѣ 2-хъ лампасъ и обѣщали, кромѣ того, на слѣдующій день повѣсить. [illegible]

3-го мая, вечеромъ, Пичуеву удалось бѣжать изъ германскаго плѣна и благополучно достигнуть расположенія русскихъ войскъ.

Изложенное Пичуевъ подтвердилъ, подъ присягой, при допросѣ Членомъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи.

7-го мая Пичуевъ былъ освидѣтельствованъ врачами въ Московскомъ Серафимовскомъ этапномъ лазаретѣ Россійскаго Общества Краснаго Креста, въ присутствіи полковника американской національной гвардіи Роберта Кормика и плѣннаго германскаго офицера Теодора Раабе.

Потопленіе парохода „Лузитанія“.

Русскіе подданные Яковъ Самсоновъ Шкредовъ, Иванъ Григорьевъ Мазурокъ, Антонъ Игнатьевъ Гришкевичъ, Иванъ Федоровъ Тарасевичъ, Егоръ Юнчикъ, Денисъ Баженовъ и Филиппъ Баженовъ 1-го мая с. г. по новому стилю выѣхали на родину изъ Нью-Іорка на пароходѣ „Лузитанія“.

7-го мая, въ третьемъ часу дня, одинъ изъ пассажировъ III-го класса, русскій подданный Егоръ Юнчикъ, находившійся на носовой части палубы, замѣтилъ, что къ „Лузитаніи“ быстро приближается, плывя подъ водой, какое-то темное продолговатое тѣло, похожее на рыбу. Когда оно, на глазахъ свидѣтеля Юнчика, ударило въ середину подводной части праваго борта „Лузитаніи“, раздался взрывъ и сильный трескъ. Вслѣдъ затѣмъ Юнчикъ увидѣлъ, что въ борту парохода образовалась большая пробоина. „Лузитанія“ накренилась на правую сторону и быстро стала погружаться въ море. Черезъ 15 минутъ послѣ описаннаго взрыва мины, выпущенной германской подводной лодкой, пароходъ затонулъ.

Изъ находившихся на пароходѣ 82-хъ русскихъ пассажировъ удалось спастись только 20. Оказавшіяся въ ихъ числѣ названныя выше лица, по прибытіи въ Россію, были допрошены, по распоряженію Чрезвычайной Слѣд-

ственной Коммисіи, подъ присягой, слѣдственной властью и показали, что „Лузитанія“ не была вооружена, и что на ней военнаго груза, т. е. пушекъ, ружей, пулеметовъ, боевыхъ снарядовъ и частей подводныхъ лодокъ, не было и быть не могло, такъ какъ названный пароходъ, приспособленный лишь для пассажирскаго движенія, не принималъ никакого груза, кромѣ багажа путешественниковъ.

* * *

Юдко Бланкманъ, изъ гор. Бердичева, живетъ въ г. Кіевѣ, 37 лѣтъ, показалъ, подъ присягой, Судебному Слѣдователю, что онъ въ 1913 году выѣхалъ въ Нью Іоркъ, къ брату Іосифу, въ улицу № 180, въ д. № 906, и сталъ заниматься фруктовой торговлей. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1915 года онъ зашелъ въ „Публичный Банкъ“ на улицѣ Деленсъ, гдѣ купилъ билетъ на пароходъ „Лузитанію“, отходящій изъ Нью-Іорка въ Ливерпуль 30-го апрѣля. Въ теченіе трехъ дней до отхода „Лузитаніи“ онъ ходилъ съ братомъ Іосифомъ гулять въ портъ и видѣлъ, что „Лузитанія“ не принимаетъ никакихъ грузовъ. 30-го апрѣля Бланкманъ пріѣхалъ въ портъ въ 9 час. утра при немъ портовые чиновники открыли входы на пароходъ и стали грузить его, причемъ на пароходъ брался только багажъ пассажировъ и запасы для буфета. Ни пушекъ, ни пулеметовъ, ни винтовокъ, ни боевыхъ снарядовъ, ни частей подводныхъ лодокъ на пароходъ погружено не было.

Когда пароходъ отошелъ, то уже въ пути Бланкманъ узналъ, что на немъ было около ста русскихъ, фамилій которыхъ онъ не знаетъ. 7-го мая, въ 2 часа дня, въ то время, какъ пароходъ приближался къ Ирландіи, раздался страшный шумъ, и пароходъ сталъ наклоняться на бокъ. Бланкманъ надѣлъ спасательный поясъ, выскочилъ на палубу, но тутъ раздался второй взрывъ, носъ корабля сталъ погружаться въ воду, а корма подниматься къ верху. Видя, что пароходъ гибнетъ, Бланкманъ бросился въ воду.

Когда онъ всплылъ, „Лузитаніи“ уже не было. Бланкманъ продержался въ водѣ около $2^1/_2$ часовъ, а затѣмъ потерялъ сознаніе и очнулся на пароходѣ, который доставилъ его въ Квинстонъ, гдѣ Бланкманъ пролежалъ въ больницѣ двѣ недѣли, такъ какъ у него оказалась парализованной нога. Послѣ этого, черезъ Ливерпуль, онъ пріѣхалъ въ г. Кіевъ, потерявъ на пароходѣ 150 долларовъ и багажъ, стоимостью въ 160 долларовъ. Бланкманъ собственноручно написалъ по англійски о полномъ отсутствіи на „Лузитаніи“ всего относящагося до военнаго дѣла.

Добиваніе раненыхъ.

7-го августа 1914 года, въ Восточной Пруссіи, въ бою подъ Гумбиненомъ, при отступленіи русскихъ, остался на полѣ сраженія раненый осколкомъ снаряда въ спину младшій унтеръ-офицеръ Александръ Лаппо, 26 лѣтъ.

Вскорѣ послѣ раненія, онъ увидѣлъ слѣдовавшую за своими частями группу нѣмцевъ, человѣкъ въ 15, во главѣ съ офицеромъ и знаменщикомъ, которая пристрѣливала находившихся на ея пути русскихъ раненыхъ, не смотря на то, что никто изъ послѣднихъ не стрѣлялъ, а бой происходилъ далеко.

Замѣтивъ Лаппо, одинъ солдатъ изъ этой группы выстрѣломъ изъ винтовки ранилъ его въ локоть лѣвой руки, а вторымъ выстрѣломъ добилъ лежавшаго рядомъ раненаго рядового татарина, который, сдѣлавъ послѣ этого нѣсколько судорожныхъ движеній, затихъ. Отъ боли въ локтѣ Лаппо сильно закричалъ, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе германскаго офицера, который тотчасъ же выстрѣломъ изъ револьвера ранилъ Лаппо въ шею, отчего послѣдній лишился сознанія и очнулся только подъ вечеръ, когда былъ подобранъ русскими санитарами. Тогда же Лаппо обнаружилъ пропажу съ лѣвой руки кожанаго браслета съ черными часами, стоящими 10 рублей, очевидно, снятыми съ него германцами.

Къ какимъ германскимъ воинскимъ частямъ принадлежали упомянутые германскій офицеръ и командуемые имъ солдаты, осталось не установленнымъ, но въ бою подъ Сталупененомъ 4 августа 1914 года, въ которомъ участвовалъ и Лаппо, на погонахъ убитыхъ нѣмцевъ имѣлась цифра „41“.

Описанныя обстоятельства удостовѣрены судебно-медицинскимъ освидѣтельствованіемъ и показаніемъ Лаппо, допрошеннаго подъ присягою, въ качествѣ потерпѣвшаго, Судебнымъ Слѣдователемъ Витебскаго Окружнаго Суда, по Городокскому уѣзду.

* * *

19-го апрѣля 1915 года, при отходѣ пѣхотнаго полка отъ позицій, расположенныхъ около деревни Банницы въ Карпатахъ, на близлежащую сопку, непріятельскія войска, ворвавшіяся въ оставленные окопы, перекололи всѣхъ находившихся тамъ нашихъ раненыхъ, а также бывшихъ при двухъ невывезенныхъ орудіяхъ раненыхъ артиллеристовъ. По свѣдѣніямъ рядового . . . . . . полка Ѳедора Чикурова, видѣвшаго съ высоты сопки, какъ добивались раненые, непріятельскія войска, занявшія окопы, были германскія, но переодѣтыя въ австрійскую форму.

Изложенныя обстоятельства удостовѣрены показаніемъ Чикурова, допрошеннаго, въ качествѣ свидѣтеля, Судебнымъ Слѣдователемъ 6-го участка города Харькова.

* * *

25-го апрѣля 1915 года, въ Галиціи, при отступленіи отъ ст. Кросно пѣхотнаго полка, раненыхъ, безоружныхъ нижнихъ чиновъ означеннаго полка, которые не успѣвали слѣдовать за полкомъ, такъ какъ еле передвигались или ползли на рукахъ, нагонявшія австро-венгерскія части прикалывали штыками и добивали прикладами.

Изложенныя обстоятельства удостовѣрены показаніемъ младшаго унтеръ-офицера Сергѣя Яковлева Сударикова, 30 лѣтъ, допрошеннаго, въ качествѣ свидѣтеля, Судебнымъ Слѣдователемъ 1 участка города Харькова.

* * *

12 мая 1915 года, послѣ очищенія пѣшими пластунскими сотнями окоповъ, находившихся подъ селеніемъ Бобровкой, въ 40 верстахъ отъ Ярослава, въ Галиціи, они были заняты нѣмецкими гвардейцами, которые выбрасывали изъ окоповъ штыками оставшихся тамъ нашихъ раненыхъ. Урядникъ Никита Давиденко, находившійся въ ста шагахъ отъ занятыхъ нѣмцами окоповъ, былъ свидѣтелемъ того, какъ германцы выбросили оттуда штыками 4—5 нашихъ раненыхъ, стоны которыхъ явственно до него доносились. Когда 15 мая того же года наши войска продвинулись впередъ, Давиденко видѣлъ въ оставленныхъ 12 мая окопахъ много исколотыхъ и изрубленныхъ казаковъ.

Изложенныя обстоятельства удостовѣрены показаніемъ Давиденко, даннымъ имъ Судебному Слѣдователю 2 участка города Харькова.

Бѣгство изъ плѣна.

Въ серединѣ мая 1915 года вернулись въ Россію бѣжавшіе изъ германскаго плѣна черезъ Данію нижніе чины: Гавріилъ Сердюкъ, Иванъ Тимашевскій, Іосифъ Корбаль, Иванъ Панкинъ и Михаилъ Кореневъ. При допросѣ, съ предупрежденіемъ о присягѣ, Членомъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи Генералъ-Маіоромъ Сѣмашко, они объяснили, что въ плѣну они были размѣщены въ концентраціонныхъ лагеряхъ, въ холодныхъ баракахъ. Пищу имъ давали самую скудную: утромъ и вечеромъ пили жидкій ячменный кофе безъ сахару и молока, или болтушку изъ муки, а въ обѣдъ—жиденькую

Семь бѣжавшихъ изъ германскаго плѣна нижнихъ чиновъ русской арміи.

Три офицера русской арміи, бѣжавшіе изъ германскаго плѣна.

похлебку изъ риса, брюквы или бобовъ; хлѣба, испеченнаго пополамъ съ картофелемъ и другими примѣсями, давали по 1 ф., т. е. около 200 граммъ, на человѣка въ день. Отъ такого питанія многіе болѣли и умирали. Въ то же время плѣнныхъ заставляли работать и падающихъ отъ изнеможенія били такъ, что нѣкоторые отъ этихъ побоевъ умирали.

За малѣйшіе проступки налагались строжайшія наказанія: сажали подъ долговременный арестъ, гоняли по песку до полнаго изнеможенія, били камышевыми палками, связывали руки за спиной и подвѣшивали къ столбу такъ, что ноги едва касались земли, и въ такомъ положеніи оставляли по нѣсколько часовъ; отъ такого наказанія люди падали замертво, а нѣкоторые и умирали.

Въ виду невозможнаго обращенія, плѣнные рѣшили бѣжать и послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій достигли своей цѣли.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1915 года изъ германскаго плѣна бѣжали три русскихъ офицера: капитанъ Космачевскій, поручикъ Грязновъ и подпоручикъ Яроцкій, благополучно достигшіе Россіи.

Взяты они были въ плѣнъ въ августѣ 1914 года въ Восточной Пруссіи. Въ числѣ другихъ плѣнныхъ офицеровъ ихъ пѣшкомъ прогнали къ г. Нейденбургу, причемъ дорогой, въ одномъ мѣстѣ, заставили служить прикрытіемъ германской батареи, которую могли обстрѣливать наши войска. Для этого плѣнныхъ размѣстили по двуколкамъ и приказали выкинуть бѣлые флаги и флаги Краснаго Креста, а двуколки эти поставили впереди батареи; при этомъ плѣнныхъ предупредили, что, если хотя одинъ русскій снарядъ попадетъ въ батарею, всѣ они будутъ разстрѣляны.

Четыре дня вели плѣнныхъ, заставляли ночевать подъ открытымъ небомъ въ придорожныхъ канавахъ хотя рядомъ и были деревни, а пищу за все это время, они получили только одинъ разъ: это былъ кофе безъ

сахару, молока и хлѣба, поданный въ ведрахъ. Дорогой жители и встрѣчныя воинскія части ругали плѣнныхъ, срывали съ нихъ погоны, грозили кулаками, плевались и, издѣваясь, кричали: „въ Берлинъ!"

Передъ тѣмъ, какъ плѣнные были посажены въ поѣздъ, они были подвергнуты обыску, причемъ у многихъ послѣ этого обыска исчезли золотые часы и деньги. Особенно тщательному обыску подвергались казачьи офицеры, которыхъ раздѣвали до-нага. Эти же казачьи офицеры были отдѣлены отъ прочихъ и отправлены вмѣстѣ съ плѣнными нижними чинами.

Первоначально плѣнныхъ офицеровъ помѣстили въ крѣпость Нейссе, въ Силезіи, а затѣмъ перевели въ Крепфельдъ, за Рейнъ.

Содержаніе плѣнныхъ, по ихъ словамъ, было ужасное: помѣщались они въ грязныхъ казармахъ, причемъ окна, съ закрашенными масляной краской стеклами, были закрыты наглухо, и къ нимъ запрещалось подходить, подъ угрозой стрѣльбы со стороны часовыхъ. Эта угроза однажды была приведена въ исполненіе, когда одинъ офицеръ хотѣлъ на окнѣ снять рисунокъ; къ счастью, никто не пострадалъ. Спать плѣннымъ офицерамъ приходилось на грязныхъ постеляхъ, полныхъ клоповъ, вшей и прочихъ паразитовъ. Скудный для нихъ обѣдъ подавался на грязныхъ столахъ, покрытыхъ соломой, а тутъ-же рядомъ на столахъ, покрытыхъ чистыми скатертями и прилично сервированныхъ, вплоть до бокаловъ для пива, обѣдали ихъ караульщики—нѣмецкіе унтеръ-офицеры, нагло посматривая на плѣнныхъ.

Всѣ плѣнные офицеры были разбиты на роты, надъ которыми начальствовали грубые и дерзкіе фельдфебели, обращавшіеся съ ними, какъ съ нижними чинами.

Въ ноябрѣ 1914 года два плѣнныхъ офицера сдѣлали попытку къ побѣгу, подкупивъ приказчика офицерской лавочки. Однако, этотъ приказчикъ оказался переодѣтымъ германскимъ офицеромъ, и побѣгъ не удался, а покушав-

шіеся на него дорого за это поплатились: ихъ заковали въ кандалы и 6 мѣсяцевъ держали въ тюрьмѣ, гдѣ содержаніе было ужаснѣе казарменнаго. Не выдержавъ такого жестокаго обращенія, плѣнные офицеры 7-го іюля 1915 года бѣжали и чрезъ четыре дня благополучно миновали германскую границу.

Все это удостовѣрено показаніями капитана Космачевскаго, поручика Грязнова и подпоручика Яроцкаго, данными ими, съ предупрежденіемъ о присягѣ, Члену Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіи Генералъ-Маіору Сѣмашко.

Каиновъ дымъ.

На разсвѣтѣ 18-го мая 1915 года бывшіе въ сторожевомъ окопѣ на фронтѣ по рѣкѣ Б. прапорщикъ Тарасенко и рядовой Завьяловъ услышали со стороны германскаго расположенія незначительные взрывы и замѣтили передъ ихъ окопами пламя и поднимающійся желтовато-зеленоватый дымъ, который, вслѣдствіе вѣтра, дувшаго въ направленіи отъ германскихъ окоповъ, постепенно приближался къ нашимъ. Догадавшись, что германцы пустили въ ходъ новоизобрѣтенные ими удушливые газы, Тарасенко и Завьяловъ немедленно приняли мѣры къ предохраненію здоровья нашихъ солдатъ, находившихся въ окопахъ.

По удостовѣренію допрошенныхъ Чрезвычайной Слѣдственной Коммисіей лицъ, въ томъ числѣ горнаго инженера Жуковскаго, объѣхавшаго пострадавшій раіонъ совмѣстно съ Членомъ Государственной Думы Гучковымъ, видѣвшихъ на полѣ сраженія отравленныхъ газами нашихъ воиновъ, послѣдніе испытывали невыразимыя страданія и мучились болѣе, чѣмъ раненые. Эти страданія и муки, по словамъ свидѣтелей, являлись одной изъ самыхъ тяжелыхъ картинъ, какія имъ когда-либо приходилось наблюдать въ жизни.

Разрывныя пули.

Младшій унтеръ-офицеръ пѣхотнаго полка Андрей Акифьевъ и ефрейторы Павелъ Михайловъ и Миронъ Кузьминъ были ранены германскими войсками въ ночь на 22 апрѣля 1915 года, въ то время, когда они пробирались къ непріятельскимъ позиціямъ, расположеннымъ по рѣкѣ Б.

Рядовой стрѣлковаго полка Бирахманъ Турабаевъ былъ раненъ германскими же войсками 30 мая 1915 года въ раіонѣ С.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи названныхъ нижнихъ чиновъ было установлено, что всѣ они ранены разрывными пулями, причемъ у Акифьева пуля разорвалась въ области плеча, у Михайлова пуля разорвала мышцы по задней подмышечной линіи, а у Кузьмина оказалась рваная рана въ лѣвую ногу около ступни. У Турабаева же, раненаго въ лѣвую щеку, выходное отверстіе пулевого канала представляло „громадную рваную разможженную рану, занимающую всю правую щеку". Языкъ Турабаева, обѣ челюсти и скуловая кость правой половины были разможженны, а въ небѣ, оторванномъ отъ своего основанія, имѣлось отверстіе, ведшее въ полость носа и къ основанію мозга.

Сожженіе раненыхъ.

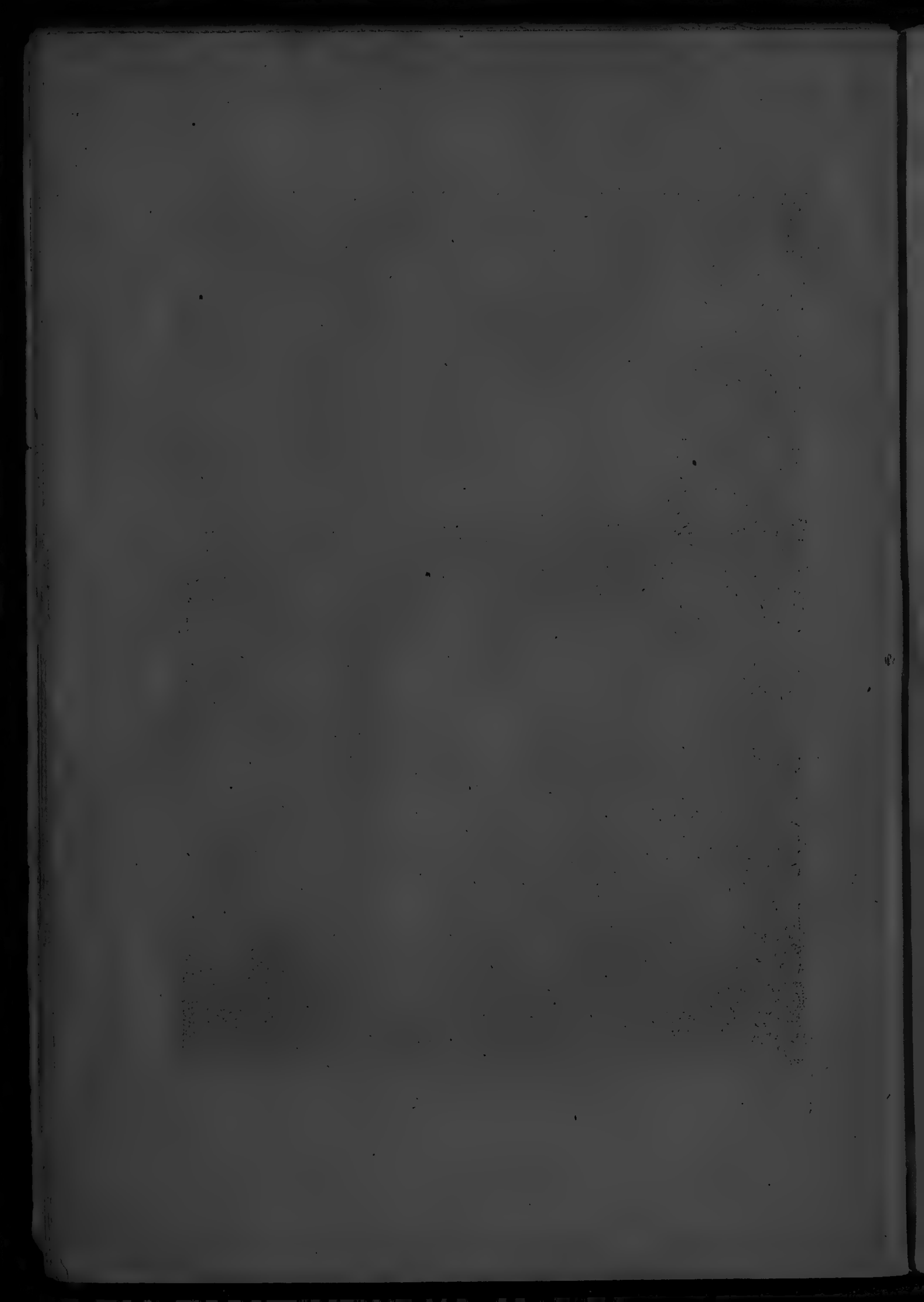
Во второй половинѣ іюня сего года пѣхотный полкъ, въ которомъ служилъ рядовымъ Николай Семеновъ Дорожка, участвовалъ въ бою около Ивангорода. Когда бой прекратился, полкъ расположился на отдыхъ. Часть солдатъ, въ томъ числѣ и Дорожка, стала помогать санитарамъ сносить раненыхъ въ находившійся въ концѣ деревни деревянный сарай, крытый соломой. Снесли туда раненыхъ, по словамъ санитаровъ, приблизительно отъ 66 до 68 человѣкъ. Въ 11 часовъ вечера вдругъ раздалась сильная ружейная стрѣльба, и деревня оказалась окруженной германцами.

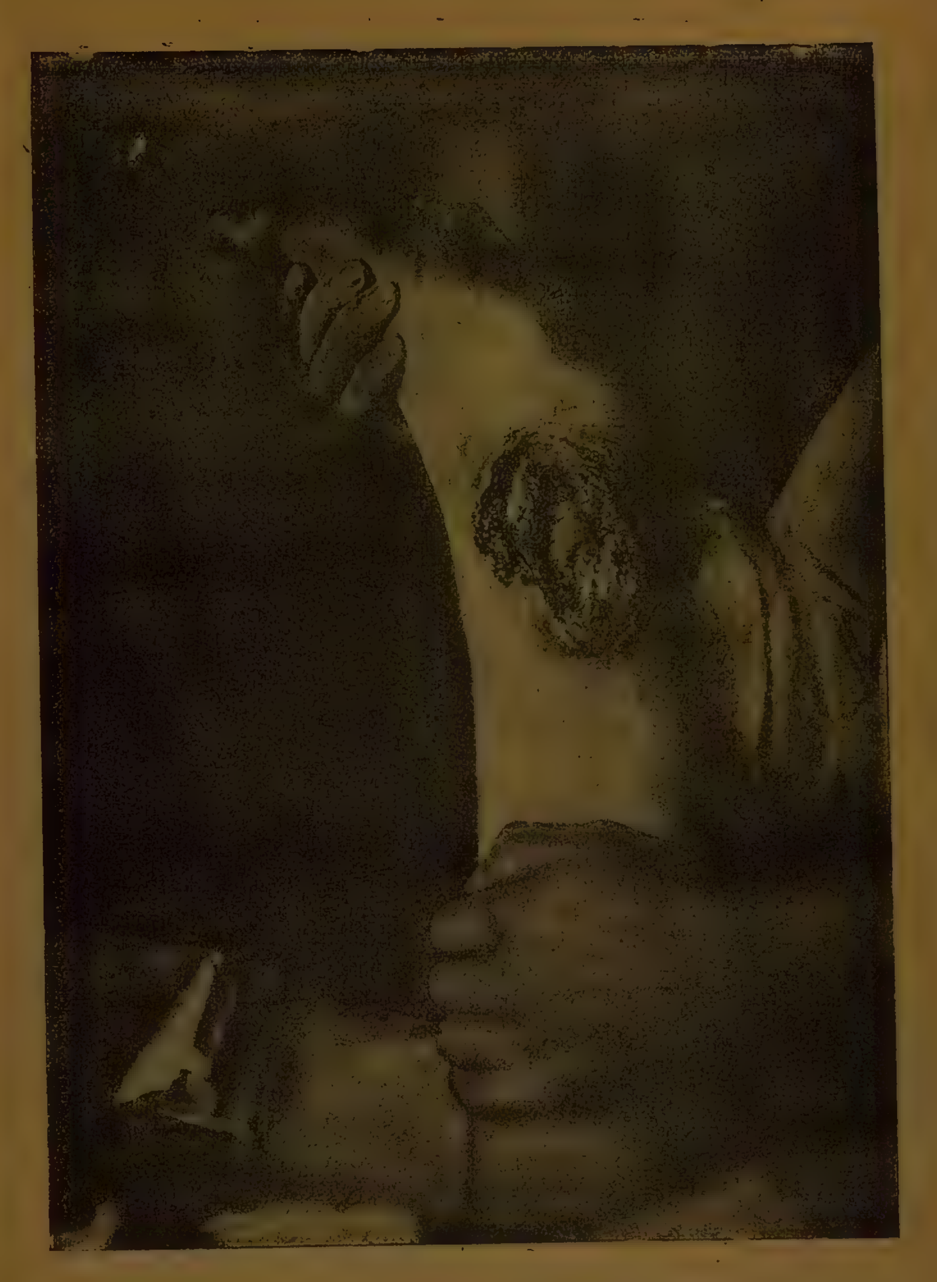

Младшій унтеръ-офицеръ Андрей АКИФЬЕВЪ.

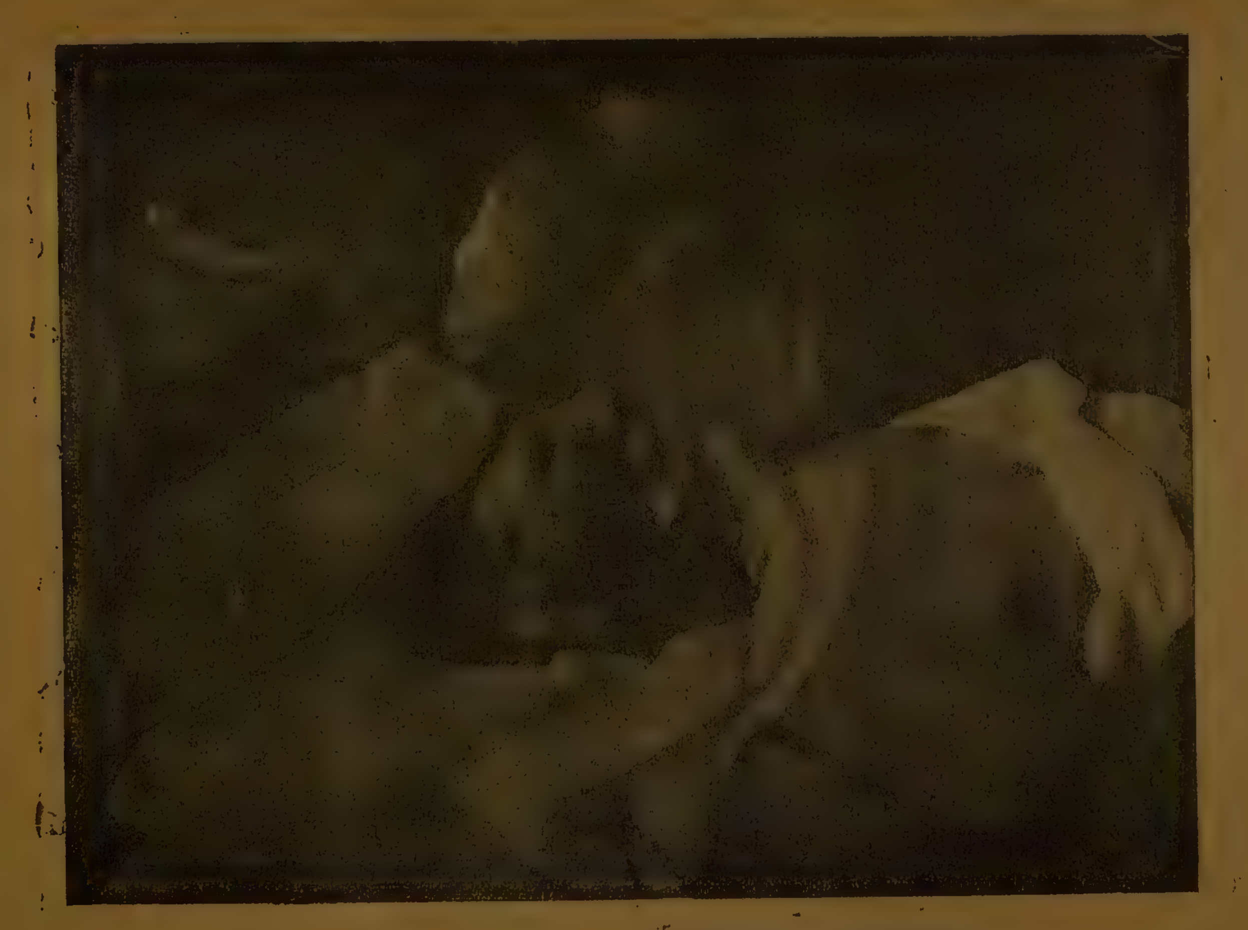

Ефрейторъ Павелъ МИХАЙЛОВЪ.

Ефрейторъ Миронъ КУЗЬМИНЪ.

Рядовой стрѣлковаго полка БИРАХМАНЪ ТУРАБАЕВЪ.

Дорожка, схвативъ винтовку, сталъ уходить съ тремя товарищами, но въ темнотѣ наткнулся на германскій окопъ и былъ взятъ въ плѣнъ, причемъ у него и у его товарищей было отобрано оружіе. Всѣхъ четверыхъ плѣнныхъ привели къ сараю, въ который свидѣтель также помогалъ сносить раненыхъ. Находившійся здѣсь офицеръ что-то приказалъ своимъ нѣмецкимъ солдатамъ, а затѣмъ самъ, подобравъ разбросанную у сарая солому, положилъ охапку ея возлѣ угла сарая и зажегъ солому спичками. Дорожка говоритъ, что у него похолодѣла душа, когда, онъ сообразилъ, что офицеръ зажигаетъ сарай. Солома загорѣлась моментально, пламя, стало лизать деревянныя стѣны сарая, и, когда оно охватило крышу, изъ сарая раздались душу раздирающіе крики о помощи нашихъ подраненыхъ. Въ это время къ стоявшимъ плѣннымъ подошелъ тотъ же офицеръ, зажигавшій сарай, и, не говоря ни слова, выстрѣлилъ въ упоръ въ одного изъ товарищей, который тутъ же повалился на землю. Затѣмъ этотъ же офицеръ чѣмъ-то ударилъ по животу другого товарища, и Дорожка, при свѣтѣ пожарища, видѣлъ, какъ у того вывалились кишки. Тутъ Дорожка бросился въ сторону, проскочилъ черезъ кучку германскихъ солдатъ и побѣжалъ. За нимъ раздались три выстрѣла, не причинившихъ, однако, ему никакого вреда. Дорожка, идя всю ночь, встрѣтилъ нашъ разъѣздъ.

Дорожка все изложенное показалъ на допросѣ у Судебнаго Слѣдователя 1 участка Днѣпровскаго уѣзда.
